

Ф. Н. ТЕЛЕГИН

О ФАЛЬСИФИКАЦИИ ЗАПАДНОГЕРМАНСКОЙ РЕАКЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИЕЙ ВОПРОСА О ПОДГОТОВКЕ ФАШИСТСКОЙ АГРЕССИИ ПРОТИВ СССР

Германская буржуазная историография обладает немалым опытом фальсификации истории, «истолкования» исторических событий соответственно интересам господствующих классов. Разгром гитлеровской Германии в 1945 г. привел германских буржуазных историков в глубокое замешательство. Но вскоре после того как западные державы отказались от согласованных решений Потсдамской конференции, буржуазная историческая наука в Западной Германии с новой силой принялась за реабилитацию германского империализма и милитаризма.

Наряду с многочисленными сочинениями политических деятелей германского фашизма, пытающихся доказать непричастность монополистического капитала к гитлеровской агрессии, к развязыванию войны и массовому уничтожению населения оккупированных гитлеровцами стран, видное место в реакционной западногерманской историографии занимают книги гитлеровских генералов и фельдмаршалов¹. Разгромленные Советской Армией фашистские стратеги ныне при поддержке англо-американских империалистических кругов вновь распространяют махровые милитаристские идеи.

Сугубо тенденциозный характер носят и работы западногерманских историков, посвященные второй мировой войне. Авторы книг на эту тему — В. Гёрлиц, Г. Риттер, К. Типпельскирх и др.² — в некоторых случаях вынуждены констатировать факты, свидетельствующие о провале стратегии германского вермахта. Но тщетно было бы пытаться найти в их работах малейшую попытку определить те силы — финансовый капитал и остальбское юнкерство, — которые стояли за спиной гитлеровцев, являлись вдохновителями и опорой фашистской диктатуры и играли решающую роль в осуществлении агрессии против миролюбивых народов, в особенности против советского народа. Загушеванная классовую сущность фашистской диктатуры и стараясь обелить германские монополии, западногерманская буржуазная историография приписывает всю ответственность за подготовку и развязывание войны, за все преступления фашизма Гитлеру и нацистским главарям.

В соответствии с политическими целями западногерманских империалистов и их покровителей — правящих кругов США и Англии — западногерманская реакционная историография затрачивает много усилий, пытаясь реабилитировать германский генералитет, и в особенности германский генеральный штаб.

Как в исторических исследованиях, так и в историко-мемуарной литературе упорно проводится мысль о том, будто германский генеральный штаб не принимал ак-

¹ F. Halder. Hitler als Feldherr. München, 1949; H. Guderian. Erinnerungen eines Soldaten. Heidelberg, 1951; E. Manstein. Verlorene Siege. Bonn, 1955; A. Heusinger. Befehl im Widerstreit. Tübingen — Stuttgart, 1950; K. Assmann. Deutsche Schicksalsjahre. Wiesbaden, 1951 и др.

² W. Görlitz. Der Deutsche Generalstab. Frankfurt a/M., 1950; его же. Der Zweite Weltkrieg, Bd. 1—2. Stuttgart, 1951—1952; G. Ritter. Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung. Stuttgart, 1955; K. Tippelskirch. Geschichte des Zweiten Weltkrieges. Bonn, 1956 (русс. перев.: К. Типпельскирх. История второй мировой войны. М., 1956); «Die Bilanz des Zweiten Weltkrieges». Hamburg, 1953 (русс. перев.: «Итоги второй мировой войны», М., 1957).

тивного участия в разработке и проведении планов агрессивной войны; генштаб якобы являлся лишь подсобным органом, не игравшим более той роли, которая принадлежала ему в годы первой мировой войны.

В. Гёрлиц, автор двух наиболее крупных работ по данному вопросу, вообще отрицает какое-либо самостоятельное значение военного руководства в возникновении войны, в ее ведении. «Современные войны ведутся и проигрываются в первую очередь в области политической и производственно-технической... Политик, а не солдат несет моральную ответственность. Он должен решать, оправдана ли война»³. Гёрлиц утверждает далее, что «ответственным военачальником было нелегко составить себе представление о подлинных намерениях и взглядах Гитлера»⁴.

Соответствуют ли утверждения Гёрлица фактам? Документы говорят о противоположном. Они свидетельствуют о том, что генералы были прекрасно осведомлены обо всех агрессивных планах, продиктованных Гитлеру монополистами. Это относится и к планам разбойничьего нападения на СССР, в течение долгого времени вынашивавшимся гитлеровцами.

На Нюрнбергском процессе главных немецких военных преступников был представлен документ о совещании, проходившем у Гитлера 23 мая 1939 г. с участием Геринга, Редера, Браухича, Кейтеля, Мильха, Гальдера и других представителей высшего германского командования. В своей речи на совещании Гитлер подчеркнул: «Если судьба нас толкнет на конфликт с Западом, то будет хорошо, если мы к этому времени будем владеть более обширным пространством на востоке»⁵. Уже после начала второй мировой войны, 23 ноября 1939 г. состоялось совещание Гитлера с главнокомандующими отдельных родов войск. Здесь Гитлер говорил: «Я долго сомневался, не начать ли мне с нападения на Восток, а затем уже на Запад... Вынужденно получилось так, что Восток на ближайшее время выпал... У нас имеется договор с Россией. Однако договоры соблюдаются лишь до тех пор, пока... они выгодны»⁶. Из этого заявления, сделанного уже через 3 месяца после подписания договора о ненападении между Германией и СССР, высшие военные руководители Германии не могли не сделать вывод о том, что германское правительство решило порвать договор и ждет только удобного в военно-политическом отношении момента для нападения на СССР.

В своих показаниях на Нюрнбергском процессе фельдмаршал Паулюс, генералы Варлимонт, Мюллер и другие признали, что цели, которые преследовала гитлеровская Германия в войне против СССР, были хорошо известны всему руководящему составу германских вооруженных сил. Следовательно, попытки западногерманской буржуазной историографии доказать неосведомленность высших военных руководителей Германии о военно-политических планах Гитлера совершенно неосновательны. Более того, эти руководители сами принимали активное и непосредственное участие в составлении планов и подготовке агрессии.

* * *

Большинство западногерманских буржуазных авторов изображает события так, что подготовка Германии к войне против Советского Союза началась незадолго до нападения, в самом конце 1940 г. Так, Ассман пишет, что «18 декабря 1940 г. последовало из ставки Гитлера первое указание вермахту на случай кампании «Барбаросса»⁷. Бывший фельдмаршал Кессельринг также утверждает, будто бы только план «Барбаросса» содержал первые распоряжения для похода против России»⁸.

Гёрлиц категорически отрицает факт длительной подготовки фашистской Германии к нападению на СССР. Он говорит, что «и этот поход, как и все операции, пред-

³ W. Görlich. Der Zweite Weltkrieg, Bd. 1, S. 20.

⁴ W. Görlich. Der Deutsche Generalstab, S. 496.

⁵ Нюрнбергский процесс. Сборник документов, т. I. М., 1954, стр. 261.

⁶ Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (далее — ЦГАОР). Документы Нюрнбергского процесса, оп. I, л. 1666. л. 3.

⁷ K. Assmann. Deutsche Schicksalsjahre, S. 215.

⁸ A. Kesselring. Gedanken zum Zweiten Weltkrieg. Bonn, 1955, S. 109.

принятые Гитлером, был плодом импровизации»⁹. Западногерманские историки Мау и Краусник под давлением фактов вынуждены отметить, что первое указание Гитлера о подготовке к войне против СССР было дано в конце июля 1940 г. Но затем они все же протаскивают указанную версию, заявляя, что «окончательное решение, по-видимому, было принято в ноябре 1940 г.»¹⁰.

Все эти утверждения реакционной западногерманской историографии далеки от истины. В действительности подготовка к войне против Советского Союза со стороны германского империализма велась в течение длительного времени. Агрессивные действия Германии, предпринятые ею в 1938—1940 гг. и в первой половине 1941 г., в той или иной степени служили подготовительными этапами для похода на Восток. Практическая же подготовка к нападению на СССР началась в середине 1940 г. Именно об этом сообщил начальник штаба оперативного руководства верховного командования вооруженных сил Иодль в 1943 г. на совещании имперских гаулейтеров в Мюнхене: «Еще в тот период времени, когда продолжалась кампания на Западе, Гитлер информировал меня, Иодля, о своих намерениях выступить против СССР»¹¹.

Из служебного дневника начальника генерального штаба Гальдера видно, что 3 июля 1940 г. он обсуждал с начальником оперативного отдела штаба генералом Грейфенбергом вопрос о нападении на Советский Союз. 22 июля 1940 г. этот вопрос уже обсуждался на совещании у главнокомандующего сухопутными силами генерал-фельдмаршала Браухича. 29 июля 1940 г. Гальдер поручил разработку плана операции на Востоке генералу Марксу.

Как шла дальнейшая подготовка к агрессии, видно из показаний генерал-фельдмаршала Паулюса в судебном заседании Международного Военного Трибунала 11 февраля 1946 г.: «3 сентября 1940 г. я начал работать в верховном командовании сухопутных войск в качестве обер-квартирмейстера в генеральном штабе... Во время моего назначения я нашел в той области, в которой я должен был работать, также еще не готовый оперативный план, который касался нападения на Советский Союз. Этот оперативный план был выработан тогда генерал-майором Марксом, начальником штаба 18 армии, который для этой цели временно находился в распоряжении высшего командования сухопутных сил. Начальник генерального штаба сухопутных сил генерал-полковник Гальдер поручил мне дальнейшую разработку этого плана, начатую на основании директивы ОКВ... Разработка... была закончена в начале ноября и завершалась двумя военными играми, которыми я руководил по поручению генерального штаба сухопутных войск. В этом принимали участие старшие офицеры генерального штаба»¹².

Такие же военные «игры», рассчитанные на подготовку войск и офицеров генерального штаба к нападению на СССР, проходили в конце января 1941 г. в Сен-Жермене (около Парижа) под руководством начальника штаба армейской группировки Рундштедта¹³.

После того как Гитлер утвердил предложенные Браухичем и Гальдером и намечаемые генеральным штабом операции, дальнейшую разработку плана проводил назначенный в сентябре 1940 г. начальником оперативного отдела генерального штаба армии полковник Хойзингер, который непосредственно подчинился начальнику генерального штаба. Уместно напомнить здесь, что в наши дни Хойзингер возглавляет возрожденную в Западной Германии армию — так называемый бундесвер.

На совещании в генеральном штабе сухопутных сил, состоявшемся 13—14 декабря 1940 г., проблема «восточной операции» обсуждалась с начальниками штабов армий и армейских групп. Результатом всей этой деятельности и явилась директива верховного командования вооруженных сил № 21 от 18 декабря 1940 г. — так называемый план «Барбаросса». Она с циничной откровенностью раскрывает преступные

⁹ W. Görlitz. Der Deutsche Generalstab, S. 550. Но Гёрлиц не сводит здесь концы с концами. Несколько ниже он пишет, что «в начале поход в Россию протекал с той четкостью, которую можно было ожидать в итоге тщательной штабной подготовки» (стр. 565).

¹⁰ H. Maun, H. Krausnick. Deutsche Geschichte der jüngsten Vergangenheit, 1933—1945. Tübingen, 1956, S. 150.

¹¹ Нюрнбергский процесс, т. I, стр. 262.

¹² Там же, стр. 373—374.

¹³ Там же, стр. 380.

агрессивные цели гитлеровского правительства. Этот документ гласил: «Немецкие вооруженные силы должны быть готовы к тому, чтобы еще до окончания войны с Англией победить путем быстротечной военной операции Советскую Россию (вариант «Барбаросса»)». Конечной целью операции является отгородиться от азиатской России по общей линии Архангельск — Волга»¹⁴.

Тот факт, что непосредственная подготовка гитлеровской Германии к войне против СССР началась еще летом 1940 г., не могут отрицать даже отдельные буржуазные историки. Так, Г. Вейнберг, анализируя записи в дневнике Гальдера о совещаниях высших военных руководителей у Гитлера 21 и 31 июля 1940 г., пишет: «Даже при самом осторожном толковании этот отчет не оставляет никакого сомнения в том, что приведенные в нем замечания были решающими для нападения на Советский Союз»¹⁵. Автор отмечает, что на конференции 31 июля Гитлер выразил желание «уничтожить Советский Союз» еще осенью 1940 г. Но представленные верховным командованием вооруженных сил материалы вынудили Гитлера признать невозможность быстрого германского наступления на Восток¹⁶.

Автор работы «История германского генерального штаба с 1918 по 1945 г.» В. Эрфурт, всячески стремящийся реабилитировать генеральный штаб и возложить всю ответственность за развязывание войны на Гитлера, под давлением фактов все же пишет: «21 июля на конференции между Гитлером и главнокомандующим армией обсуждались уже такие совершенно конкретные вопросы, как срок похода против Советского Союза, численность сил, оперативная и политическая цель. Гитлер дал задание приступить к разработке «русской проблемы» и начать подготовительные мероприятия»¹⁷.

* * *

Одной из наиболее распространенных в западногерманской историографии является легенда о том, что война против Советского Союза была якобы превентивной. Путем подтасовки и извращения исторических фактов, посредством прямой лжи западногерманские буржуазные историки предпринимают попытки переложить ответственность за войну на Советский Союз.

Бывший начальник германского генерального штаба генерал-полковник Гальдер, выступающий ныне в качестве историка, утверждает в своей книге «Гитлер как полководец», будто Германии угрожало военное нападение со стороны Советского Союза¹⁸. Гальдеру вторит его преемник по генеральному штабу Гудериан, объясняющий решение Гитлера напасть на СССР желанием «ликвидировать русскую опасность»¹⁹. Той же концепции придерживается и бывший фельдмаршал Манштейн. Он заявляет, что Гитлер-де был вынужден «устранить Советский Союз как противника путем превентивной войны, пока на Западе не было врага, который мог быть ему опасным на континенте»²⁰.

Генерал Типпельскирх хотя и исключает угрозу Германии со стороны Советского Союза в период, предшествовавший нападению на СССР, но утверждает, что Советский Союз будто бы мог стать опасен для Германии впоследствии²¹. В. Гёрлиц отмечает, что все сообщения германского посла в Москве графа Шуленбурга подтверждали готовность Советского Союза честно выполнять советско-германский договор о ненападении²². Тем не менее Гёрлиц считает «спорным» вопрос о том, «насколько далеко зашла подготовка русских к войне, насколько ее нужно принимать всерьез или же считать ее только мерой предосторожности»²³.

Все измышления западногерманской буржуазной историографии насчет того, будто нападение гитлеровской Германии на СССР носило превентивный характер, начисто опровергаются материалами Нюрнбергского процесса. Весьма важно в этом

¹⁴ Нюрнбергский процесс, т. I, стр. 364—365.

¹⁵ «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte», 1953, Н. 4, S. 313.

¹⁶ Ibid., S. 314.

¹⁷ W. Erfurth. Die Geschichte des deutschen Generalstabes von 1918 bis 1945. Berlin — Frankfurt a/M., 1957, S. 263.

¹⁸ F. Halder. Hitler als Feldherr, S. 36—37.

¹⁹ «Итоги второй мировой войны», стр. 117.

²⁰ E. Manstein. Verlorene Siege, S. 171.

²¹ См. К. Типпельскирх. История второй мировой войны, стр. 173—174.

²² W. Görlich. Der Deutsche Generalstab, S. 545.

²³ Ibid., S. 561.

отношении показание бывшего главы радиослужбы и отдела прессы имперского министерства пропаганды Фриче. Он рассказал о широкой антисоветской пропаганде, развернутой гитлеровцами после нападения на Советский Союз и имевшей целью представить его в качестве виновника войны. «Должен, однако, заявить— призвал Фриче,— что никаких оснований к тому, чтобы обвинять Советский Союз в подготовке военного нападения на Германию, у нас не было»²⁴.

У Гальдера, твердящего ныне об угрозе Германии со стороны Советского Союза, в его служебном дневнике от 22 июля 1940 г. имеется запись: «Никаких признаков активного выступления России против нас не имеется... Русские не хотят войны». Это документальное свидетельство лишний раз подтверждает злонамеренность всех тех, кто ныне пытается исказить общеизвестные факты и снять ответственность за агрессию против советского народа с германских монополистов и юнкерства.

О полной несостоятельности утверждений западногерманской реакционной историографии о превентивном характере войны против СССР свидетельствуют и грабительские цели нападения на нашу страну, заранее определенные немецко-фашистскими захватчиками. Конкретные планы ограбления советских территорий были составлены верховным командованием вооруженных сил совместно с министерствами экономики, продовольствия, иностранных дел и аппаратом уполномоченного по четырехлетнему плану задолго до того, как фашистская армия начала агрессивную войну против СССР.

Еще в ноябре 1940 г. начальник управления экономики и вооружения верховного командования генерал Томас вместе со статс-секретарями Кернером, Нойманом, Бакке и генералом Ханнекеном приступил к разработке экономических мероприятий, связанных с осуществлением «плана Барбаросса». Подготовка к захватническим операциям включала в себя составление агентурного обзора военной промышленности Советского Союза, ее дислокации и производственных мощностей; взаимозависимости различных центров ее. Одновременно суммировались данные об энергетическом хозяйстве СССР и его транспортной системе, источниках сырья и нефти, состоянии других отраслей промышленности Советского Союза.

Для выполнения этих задач был создан штаб специального назначения «Россия». Результаты его работы были освещены в обширном сборнике, озаглавленном «Военная экономика Советского Союза». Приложением к нему являлась картотека, включавшая сведения о важнейших заводах Советского Союза²⁵.

28 февраля 1941 г. генерал Томас провел совещание со своими подчиненными из управления экономики и вооружения с целью разработки организационной структуры военно-хозяйственных учреждений, которые гитлеровцы предполагали в будущем создать на территории Советского Союза. В меморандуме, составленном после этого совещания, говорилось в частности: «Ввиду предстоящего обширного поля деятельности организация должна быть тщательно оснащена и персонал должен быть соответственно многочисленен. Главная задача организации будет состоять в изъятии сырья и в захвате всех важных промышленных предприятий»²⁶.

Вскоре Томас поручил подполковнику Лютеру составить проект такой организации. Разработка проекта была в основном завершена к концу апреля 1941 г.

Свое дальнейшее развитие планы ограбления нашей страны получили в так называемой «Зеленой папке» Геринга, содержавшей «директивы по руководству экономикой во вновь оккупированных восточных областях». «Зеленая папка» была издана (в качестве «секретного документа командования») 16 июня 1941 г., т. е. непосредственно перед нападением на СССР. Это была детально разработанная программа грабежа богатств советской страны. «Согласно приказам фюрера,— говорилось в «Зеленой папке»,— необходимо принять все меры к немедленному и полному использованию оккупированных областей в интересах Германии... Использование подлежащих оккупации районов должно проводиться в первую очередь в области продовольственного и нефтяного хозяйства. Получить для Германии как можно больше продовольствия и нефти — такова главная экономическая цель кам-

²⁴ ЦГАОР. Документы Нюрнбергского процесса, оп. I, д. 2017, л. 22.

²⁵ Там же. д. 10, л. 113—114.

²⁶ Там же, л. 115.

паний. Наряду с этим германской военной промышленности должны быть даны и прочие сырьевые продукты из оккупированных областей»²⁷.

Директивы «Зеленой папки» в деталях определяли и структуру военно-хозяйственных учреждений, которые гитлеровцы намеревались создать на территории Советского Союза.

Все это свидетельствует о том, что фашистская Германия заранее разработала и подготовила планы экономического ограбления оккупированных территорий Советского Союза. Грабительские цели нападения лишний раз разоблачают лживость утверждений реакционной западногерманской историографии о превентивном характере войны гитлеровской Германии против Советского Союза.

Ссылка на «солдатский долг» — один из наиболее распространенных тезисов, выдвигаемых германской буржуазной историографией в целях оправдания немецкого генералитета. Достаточно просмотреть отдельные документы штаба верховного командования вооруженных сил, чтобы понять, каков был «долг», который добровольно выполнял германский генералитет во время разработки планов нападения на СССР и в самом ходе советско-германской войны. Так, директива Кейтеля от 12 мая 1941 г. «Об обращении с захваченными в плен советскими политическими и военными работниками» обязывала войска не считать советских военных комиссаров военнопленными и уничтожать их «самое позднее в транзитных лагерях». По показаниям генерала Варлимонта, сделанным на Нюрнбергском процессе, эта директива является «точным и достоверным изложением предложений, сделанных генштабом в отношении советских военных комиссаров и политработников, попавших в плен к немцам»²⁸.

Другое распоряжение Кейтеля (от 13 мая 1941 г.) «О применении военной подсудности в районе «Барбаросса» и об особых мероприятиях войск» обязывало военнослужащих применять «самые крайние меры» против населения. Этот приказ отменял применение военно-уголовных законов к офицерам и солдатам, виновным в грабежах, насилиях и убийствах гражданского населения. Устанавливалась полная безнаказанность немецких военнослужащих за все преступления, совершенные против мирного населения.

Логическим продолжением политики порабощения и истребления советских людей, разработанной немецко-фашистскими захватчиками еще до нападения на Советский Союз, является изданная уже в ходе войны директива Кейтеля от 16 сентября 1941 г. «О коммунистическом повстанческом движении в оккупированных областях». Она требовала в каждом случае сопротивления оккупантам незамедлительно применять «наиболее жестокие меры, чтобы утвердить авторитет оккупационных властей и предотвратить дальнейшее распространение. При этом следует иметь в виду, что человеческая жизнь в странах, которых это касается, абсолютно ничего не стоит... Действительным средством устрашения может при этом быть только смертная казнь»²⁹.

Хойзингер в своей книге «Сопротивление приказу» говорит о том, что при подготовке к нападению на Россию командующие армиями и дивизиями Восточного фронта обсуждали приказ верховного командования об уничтожении советских комиссаров, которые будут взяты в плен. Генералы пришли к выводу, что убийство пленных, носящих военный мундир, противоречит чести солдата, но тем не менее приказ есть приказ³⁰.

Но попытки объяснить все «приказом свыше» так же несостоятельны, как и другие ухищрения апологетов германского милитаризма. Факты говорят о том, что генералитет участвовал в составлении целой программы истребления населения советских земель. А когда советско-германская война началась, генералы усердно выполняли эту программу, зачастую не ограничиваясь общими указаниями, выступая с собственной инициативой в этом отношении. Так возник, например, известный приказ командующего 6-й армией генерал-фельдмаршала фон Рейхенау «О поведении войск на Востоке». Рейхенау требовал здесь, чтобы солдат, «не вдаваясь в по-

²⁷ Нюрнбергский процесс, т. I, стр. 715—716.

²⁸ Там же, стр. 439.

²⁹ ЦГАОР. Документы Нюрнбергского процесса, бн. I, д. 1779, л. 18—19.

³⁰ A. Heusinger. Befehl im Widerstreit, S. 125.

литические соображения на будущее», выполнял поставленные задачи по уничтожению «большевистской ереси, советского государства и его вооруженной силы». В своих действиях войска должны руководствоваться теми соображениями, что «снабжение питанием местных жителей и военнопленных является ненужной гуманностью... Никакие исторические или художественные ценности на Востоке не имеют значения... В случае применения оружия в тылу армии со стороны отдельных партизан применять в отношении их решительные и жестокие меры»³¹.

Документальные материалы показывают, таким образом, что зверства на оккупированных территориях Советского Союза являлись осуществлением обдуманного, заранее разработанного плана.

Для реабилитации генерального штаба и офицерского корпуса гитлеровской армии германская буржуазная историография прибегает и к отрицанию каких-либо связей военного командования с полицейскими органами и организациями СС. Гёрлиц, Гудериан и другие утверждают, что инициаторами зверств были лишь подчиненные Гимmlера, а отнюдь не генералы. По словам Гудериана, «до нас доходили лишь слухи о различных злоупотреблениях»³².

Но документы неопровержимо доказывают наличие тесной связи между германским военным командованием и органами СС и полиции, установленной задолго до нападения на Советский Союз.

Изданная еще 13 марта 1941 г. за подписью Кейтеля инструкция верховного командования вооруженных сил «Об особых областях» устанавливала, что исполнительную власть на театре военных действий осуществляет верховное главнокомандование, которое вправе передавать ее главнокомандующим армейскими группами и армиями. Директива возлагала на Гимmlера выполнение специальных задач по подготовке политического управления. В приказе подчеркивалось, что «дальнейшие детали главное командование армии должно согласовать непосредственно с рейхсфюрером СС»³³.

Как пло согласование «деталей», видно из показания на Нюрнбергском процессе бывшего руководителя отделения имперского управления безопасности В. Шелленберга. По поручению начальника управления Гейдриха Шелленберг еще в середине мая 1941 г. вел переговоры с генерал-квартирмейстером генерального штаба Вагнером по вопросу об использовании полиции безопасности в действующей армии. Проект соглашения «ясно предусматривал обязательство ответственных учреждений армии безоговорочно поддерживать действия исполнительных групп (Einsatzgruppen) и команд (Einsatzkommandos) полиции безопасности и службы безопасности». Этот проект был положен в основу окончательных переговоров по данному вопросу между Вагнером и Гейдрихом, имевших место в конце мая 1941 г. О их результатах Вагнер доложил главнокомандующему армией Браухичу. Соглашение предусматривало включение полиции безопасности и службы безопасности в состав действующей армии, а также порядок их деятельности. Шелленберг заявил далее, что верховное командование вооруженными силами еще до начала советско-германской войны «осведомило главнокомандующих армейскими группами и армиями о предстоящей задаче исполнительных групп и команд полиции безопасности и службы безопасности, включая планомерное массовое истребление евреев, коммунистов и всех других элементов сопротивления»³⁴.

Отношения, которые установились между группами эсэсовцев, осуществлявшими массовое уничтожение населения, и военным командованием, характеризует «Сводный отчет» начальника оперативной группы «А» службы безопасности Шта-лекера от 15 октября 1941 г. Из отчета следует, что сотрудничество соответствующих главнокомандующих с оперативной группой «А» «было в общем хорошим, а в отдельных случаях, как, например, с 4-й танковой группой под командованием генерал-полковника Гепнера,— очень тесным и, можно сказать, носило сердечный характер»³⁵.

³¹ ЦГАОР. Документы Нюрнбергского процесса, оп. I, д. 1668, л. 33—34.

³² H. Guderian. Erinnerungen eines Soldaten, S. 263; W. Görlitz. Der Zweite Weltkrieg, S. 266.

³³ ЦГАОР. Документы Нюрнбергского процесса, оп. I, д. 1666, л. 169.

³⁴ Там же, л. 2494, л. 23.

³⁵ Там же, л. 22.

Этот документ позволяет еще раз установить научную недобросовестность западногерманской буржуазной историографии. Именно на генерал-полковника Геннера указывает Гёрлиц как на командующего, отказавшегося будто бы выполнять приказ об уничтожении военнопленных советских комиссаров! Отсюда можно сделать вывод о том, насколько «правдоподобны» и многие другие утверждения буржуазных историков, подвигающихся в Федеративной Республике Германии.

Приведенные документы дают возможность сделать вывод о том, что деятельность оперативных групп СС координировалась с боевыми операциями армии. Они размещались и снабжались армией и без ее поддержки были бы не в состоянии выполнять свои кровавые задачи по уничтожению советских людей. Гитлеровская военная машина являлась той решающей силой, с помощью которой осуществлялись все военные преступления и преступления против человечности. Все усилия западногерманской буржуазной историографии отрицать связь гитлеровской армии с организациями СС и СД являются не чем иным, как апологетикой генерального штаба и генералитета гитлеровской армии.

* * *

Фальсификация западногерманской буржуазной историографией подготовки Германией войны против СССР выражается и в стремлении преуменьшить военный и экономический потенциал Германии накануне нападения на СССР. Так, К. Рикер в книге «Человек проигрывает мировую войну» утверждает, будто «все подготовления были совершенно недостаточными»³⁶.

Г. Керль в статье «Военная экономика и военная промышленность», помещенной в сборнике «Итоги второй мировой войны», пишет, что к войне Германия не была подготовлена ни в каком отношении³⁷.

Аргументы, выдвигаемые Керлем в подтверждение его вывода, таковы: крайне ограниченное снабжение сырьем, минимальные размеры военного производства в 1940—1941 гг., неудовлетворительное положение с рабочей силой на всем протяжении войны, формальное, не отвечающее требованиям военного времени руководство экономикой.

Правда, Керль говорит, что война на Западе резко изменила военно-экономическую обстановку в Германии. Значительно улучшилось положение с сырьем. Накопленные во Франции, Бельгии, Голландии и Норвегии огромные запасы стратегического сырья оказались в руках немцев; промышленность этих стран стала выполнять крупные немецкие заказы. Улучшилось положение с рабочей силой в сельском хозяйстве, куда было направлено около миллиона польских военнопленных. Но далее Керль утверждает, что решающего увеличения выпуска военной продукции начиная с лета 1940 г. якобы не наступило. Более того, Керль заявляет, будто именно в течение 1940—1941 гг. «развитие военной экономики Германии пошло на убыль»³⁸.

Это утверждение Керля грубо противоречит фактам. Если в первом полугодии 1940 г. имело место некоторое снижение объема промышленного производства в связи со значительным призывом рабочих в армию, то уже в 1941 г. объем промышленного производства снова повысился. Индекс промышленной продукции Германии, включая Австрию и Судеты, Верхнюю Силезию и Эльзас-Лотарингию, в 1941 г. не снизился, как утверждает Керль, а был на 10 пунктов выше, чем в 1939 г. При этом надо учесть, что цифры, характеризующие общий индекс промышленного производства, еще не показывают действительного подъема важнейших отраслей военной экономики, ибо общие показатели маскируют одновременный рост производства средств производства и снижение производства предметов потребления. Индекс роста производства средств производства, идущих большей частью непосредственно для военных целей, был в 1941 г. на 22 пункта выше, чем в 1939 г. Производство же предметов потребления за это время сократилось на 8 пунктов.

³⁶ К. Rieker. Ein Mann verliert einen Weltkrieg. Frankfurt a/M., 1955, S. 20.

³⁷ «Итоги второй мировой войны», стр. 363.

³⁸ Там же, стр. 370.

Если проанализировать баланс рабочей силы в промышленности Германии (включая Австрию и Судетскую область), то мы увидим, что в строительстве, например, количество занятых рабочих на 31 мая 1941 г. уменьшилось по сравнению с тем же числом 1939 г. на 25%, а в деревообрабатывающей, стекольной, полиграфической, кожевенной, текстильной, швейной, пищевой отраслях — на 21%. Но зато в производстве основных видов сырья и материалов количество занятых рабочих не снизилось, а несколько увеличилось (3%), а в машиностроении и металлообработке, где сосредоточены основные военные предприятия, число занятых рабочих выросло на 12%³⁹.

Доля продукции вооружения по отношению к общей промышленной продукции возросла с 9% в 1939 г. до 19% в 1941 г.⁴⁰ Среднемесячное производство танков в 1941 г. увеличилось в стоимостном выражении по сравнению с 1939 г. более чем в 15 раз, артиллерийско-стрелкового вооружения — в 1,6 раза, самолетов — в 1,4 раза⁴¹.

Вместе с общим ростом производства вооружения и военных материалов в 1941 г. произошли и структурные сдвиги в области военной промышленности. В 1940 г. на долю боеприпасов падало 40,9% общей стоимости производимого вооружения. На втором месте стояло производство самолетов (38,5%)⁴². За период наступления во Франции было израсходовано менее 1/10 имевшегося в наличии количества боеприпасов⁴³. Учитывая опыт французской кампании, верховное командование дало указание о сокращении производства боеприпасов. В 1941 г. на долю их уже приходилось только 25,2% военного производства. Доля же самолетостроения поднялась до 40,8%. Производство танков увеличилось в 1941 г. по сравнению с предшествующим годом более чем в два раза⁴⁴.

Германия значительно увеличила свой военно-экономический потенциал за счет оккупированных стран, а также сателлитов. Из Польши вывозились уголь, свинец, медь, из Франции — уголь, железная руда, бокситы, из Бельгии — уголь, из Югославии — медь, хром. Италия снабжала Германию серным колчеданом, свинцом, цинком, бокситами, Румыния — нефтью, Венгрия — бокситами и серным колчеданом. Только за 1941 г. Германия вывезла из Румынии 2 927 700 т нефти и нефтепродуктов⁴⁵. Почти все количество бокситов, добытое в Венгрии, вывозилось в Германию.

К моменту нападения на Советский Союз в распоряжении гитлеровской армии находились колоссальные запасы различного рода вооружения. Они накопились вследствие большого разрыва между быстро возрастающим производством вооружения и сравнительно незначительным расходом его в 1939—1940 гг. Так, в войне с Польшей немецкая армия потеряла всего 250 танков, в период наступления на Францию — 300, в Югославии и Греции — 100 танков⁴⁶. В то же время немецкие войска захватили в оккупированных странах большое количество вооружения, в том числе танков, артиллерийских орудий, автомашин. В одной только Франции агрессорам досталось 3 тыс. самолетов и 4930 танков. За счет французских автомашин германское командование могло к 22 июня 1941 г. оснастить автотранспортом 88 пехотных дивизий, 3 моторизованные дивизии и 1 танковую дивизию⁴⁷.

Производственные мощности оккупированных стран были переключены на производство вооружения для гитлеровской армии. Так, в Бельгии, например, из 1800 тыс. рабочих и служащих свыше 900 тыс. были заняты в промышленности, работавшей на нужды германских вооруженных сил⁴⁸. Во Франции количество

³⁹ «Промышленность Германии в период войны 1939—1945 гг.». М., 1956, стр. 192—201.

⁴⁰ A. Kesselring. Gedanken zum zweiten Weltkrieg, S. 186.

⁴¹ «Промышленность Германии в период войны 1939—1945 гг.», стр. 41.

⁴² Там же, стр. 42.

⁴³ Mueller-Hillebrand. Das Heer 1933—1945. Frankfurt a/M., Bd. II. Darmstadt, 1956, S. 92.

⁴⁴ «Промышленность Германии в период войны 1939—1945 гг.», стр. 42.

⁴⁵ A. Hillgruber. Hitler, König Carol und Marschall Antonescu. Wiesbaden. 1954, S. 250.

⁴⁶ П. А. Белов. Вопросы экономики в современной войне. М., 1951, стр. 139.

⁴⁷ Mueller-Hillebrand. Das Heer 1933—1945, Bd. II, S. 105.

⁴⁸ ЦГАОР. Документы Нюрнбергского процесса, оп. I, д. 64, л. 249.

изъятой немцами промышленной продукции (в процентном отношении ко всему промышленному производству) составляло: по автомобильной промышленности — 70%, электро- и радиооборудованию — 45%, по металлообрабатывающей промышленности — 100%, по точной механике — 100%, по авиационному оборудованию — 90% ⁴⁹.

О том, насколько широко фашистские захватчики использовали в интересах германской военной экономики производительные силы оккупированных стран, можно судить и по суммам сделок на военные заказы. Только за 1941 г. промышленности Франции, Бельгии, Голландии, Дании, Норвегии, Польши, Сербии и Греции было передано заказов на оружие и военное снаряжение на сумму 4778 млн. марок. Промышленность этих стран поставила Германии различного оружия и военного снаряжения на сумму 2811 млн. марок, в том числе самолетов — на 569 млн. марок.

Таким образом, военная экономика фашистской Германии уже с лета 1940 г. опиралась на мощность производственного аппарата и сырьевые ресурсы почти всей континентальной Европы. Германия вступила в войну против СССР, будучи хорошо подготовленной не только в военном, но и в экономическом отношении. Заявления современных западногерманских историков о слабой подготовленности фашистской Германии к войне против СССР являются такой же фальсификацией, как и другие легенды, созданные ими.

В условиях острой идеологической борьбы между силами реакции и агрессии, с одной стороны, и силами мира и прогресса, с другой, западногерманская буржуазная историография активно способствует возрождению милитаристской и реваншистской идеологии в Западной Германии. Разоблачение концепций немецких буржуазных историков является поэтому важной задачей марксистской историографии.

⁴⁹ Там же, оп. I, д. 18, л. 395.

